

О.М. Фрейденберг

Античные теории языка и стиля

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 81
ББК 81
О-11

О-11 **О.М. Фрейденберг**
Античные теории языка и стиля / О.М. Фрейденберг – М.: Книга по Требованию, 2023. – 342 с.

ISBN 978-5-458-48805-1

Книга "Античные теории языка и стиля" - антология переводов с древнегреческого и латинского языков, в систематизированном виде представляющая взгляды античных авторов и историю развития античного языкознания и риторики. Автором вступительной статьи и редактором грамматического раздела „Проблемы языка” является И. М. Троцкий (с 1938 года – Тронский), переводчики: И. Троцкий, Петр Ернштедт, Аристид Доватур, Яков Боровский. Автором вступительной статьи и редактором стилистического раздела „Проблемы стиля” - С. В. Меликова-Толстая, переводчики: А. Болдырев, А. Зограф, Б. Казанский, В. Петухова, И. Толстой, Игорь Глазов, Мария Сергеенко. Общая редакция О. М. Фрейденберг. Сборник имеет целью ознакомление читателя, интересующегося лингвистическими и культурологическими проблемами, с историческим развитием и мировоззренческими основами античного языкознания и античной риторики.

ISBN 978-5-458-48805-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стическую стадию, одну из самых первых, с современным состоянием советского языкоznания, мы можем указать на два крупнейших, самых основных достижения нового учения о языке. В то время как античные лингвисты и философы имеют дело только с одним узко понятым, изолированным греческим или римским языком (ср. расовые теории индоевропеистов), Н. Я. Марр ставил проблему языка в мировом масштабе и каждый отдельный язык рассматривал как определенную стадию в едином языкотворческом процессе; античное (а вслед затем и буржуазное) учение о формальных сторонах языка и художественной речи вытеснено учением Н. Я. Марра о семантике, о первенстве идеологического содержания над формой, о решающей роли мышления, зависящего от материальной базы и общественных отношений.

Памяти выдающегося лингвиста, высший подъем научного творчества которого стал возможным лишь в условиях советской действительности, мы посвящаем наш коллективный труд, рисующий истоки лингвистической научной мысли Европы.

СПИСОК ПЕРЕВОДЧИКОВ

В I отделе перевели:

Я. М. Боровский — Варрона, Мар. Викторина, Аммония, О диалектах, Витрувия.

А. И. Ловатур — Платона, Дионисия Фрак., Аполлония, Августина.

П. В. Ернштедт — Секста Эмпирика, Присциана.

И. И. Толстой — «О сочетании имен» Дионисия Галикарнасского.

Перевод Гераклита и Эмпедокла — по *Маковельскому*, «Поэтика» Аристотеля — по *Новосадскому*, «Об истолковании» Аристотеля — по *Радлову*; Парменид — *Трубецкого*, Лукреций — *Рачинского*, «Политика» Аристотеля — *Жебелева*. Остальные отрывки переведены редактором отдела *И. М. Троцким*.

В II отделе перевели:

А. В. Болдырев — Реторику к Гереннию.

С. И. Гинтвест — Гермогена.

А. Н. Зограф — Цицерона.

Б. В. Казанский — Горация.

С. В. Меликова-Толстая — Деметрия.

В. В. Петухова — Квинтилиана.

М. Е. Сергеенко — «О возвышенном» Дионисия Галикарнасского.

И. И. Толстой — Анахимена, «О сочетании имен» Дионисия Галикарнасского.

«Поэтика» Аристотеля — в переводе *Новосадского*, «Реторика», его же, — пер. *Платоновой*.

I. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

И. Троцкий

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В АНТИЧНОЙ НАУКЕ

1

Языкоzнание как самостоятельная дисциплина, осознавшая свой объект и свой метод, свое место в системе смежных наук, — дитя XIX столетия. Прежде чем соединиться в самостоятельную отрасль знания, разрозненные языковые исследования входили в программу многообъемлющей и малодифференцированной дисциплины, объединявшей все доступные тому времени языковедческие и литературоведческие проблемы с собиранием и классификацией антикварно-исторических материалов. Дисциплина эта восходила к античности: ее исконное название «грамматика» — уступило место термину «филология», поскольку старинное наименование еще в древности прочно укрепилось за «технической» частью дисциплины — описанием языковых форм, — и в этом суженном значении перешло в средневековую Европу. Формальная грамматика, описательная или нормативная, эмпирическая или спекулятивно-рационалистическая, в этом последнем случае ориентированная на логику, была предшественницей научного языкоzнания XIX в. и оставила в нем многочисленные следы; ее методы и подходы и поныне сохраняют известную силу в так называемой «школьной грамматике». В построении этой формальной грамматики значительное место занимают унаследованные от древности принципы античной грамматической теории.

Было бы однако неправильно думать, что античное учение о языке ограничилось созданием грамматической теории, воспринятой средними веками. Расцвет этой теории относится уже к поздней древности, к эпохе разложения античного общества и увядания теоретической мысли. В более ранние, творческие периоды античная мысль смело ставила перед собой все основные, решающие вопросы, которых старается избегать ползучий эмпиризм буржуазной науки. К античному рассмотрению языковых проблем в полной мере применима характеристика, которую Энгельс дал греческой философии в целом: «Так как греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то она у них рассматривается еще как целое, в общем и целом. Всеобщая связь явлений в мире не доказывается в подробностях... для греков она является результатом непосредственного созерцания.

В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом». ¹ Античная языковая теория возникает не в процессе рассмотрения каких-либо частных, мелочных проблем, а как одна из сторон основной философской проблемы, как вопрос о взаимоотношении между вещью, мыслью и словом. Позднейшая эмпирическая грамматика целиком покончилась на тех теоретических представлениях о языке, которые были выработаны в греческой философии до того, как грамматика отделилась от нее, и эти же теоретические представления являются наиболее уязвимым местом античной языковой теории.

2

Греческая философия заменила собою мифологическую картину мира в период становления рабовладельческого общества. За переворотами эпохи VII—VI вв., когда сложились основы античной общественно-экономической формации, последовал переворот в мировоззрении. Конкретная символика мифологического мышления уступила место тяге к образованию абстрактных понятий, но и самые эти понятия и — в особенности — те соотношения, в которых эти понятия между собою мыслились, во многом продолжали опираться на привычные представления мифологии. Мифологическая картина мира в античном обществе никогда не была изжита до конца. И языковая проблематика античной философии тесно связана с тем местом, которое занимал язык в мифологической системе мышления.

Сказанное отнюдь не следует понимать так, что у греков обязательно должны были циркулировать «мифы» (в смысле повествований о богах и героях), имевшие своим содержанием какие-либо языковые вопросы. Такие сказания хорошо известны из библейской мифологии: Адам, первый человек, дающий наименования всем живым существам, или вавилонское столпотворение. Греческая мифология таких мифов не знает; во всяком случае до нас не дошло никаких следов подобных представлений. Место языка в мифологической картине мира определяется не наличием тех или иных повествований о языке, а той ролью, которая приписывается языку в системе мышления, создавшей мифы.

Среди мифологических аспектов языка должны быть особо отмечены два момента. Во-первых, язык как целое сравнительно редко привлекает к себе внимание; центр тяжести мифологической трактовки языка лежит на отдельном слове, точнее — на имени. Имя вещи мыслится неразрывно связанным с самой вещью, ее неотъемлемой частью (термин «свойство» в силу своей абстрактности был бы здесь неуместен). Каждая вещь — единый целостный комплекс, живой

¹ Энгельс, Диалектика природы. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

носитель конкретных отношений, от которого не абстрагируются отдельные элементы, в том числе имя. Имя не существует вне вещи, и совершая какие-либо операции над именем, мы воздействуем на вещь, подчиняя ее нашей воле. Отсюда сила заговоров, заклинаний, отсюда стремление «первобытного» человека «засекретить» имена тех предметов, которые он считает нужным обезопасить от враждебного воздействия, тенденция к созданию тайных языков. На принципе взаимозамещаемости имени и вещи покойится вся словесная магия. На ряду с убеждением в том, что обыденные слова родного языка в основном являются «настоящими» именами вещи, некоторые имена выделяются как особо значительные. На греческой почве мы встречаемся с представлением о группе имен, специально свойственных языку богов, в отличие от наименований, которые употребляют, говоря о тех же предметах, люди. Такие указания неоднократно попадаются в древнейших памятниках греческой литературы (гомеровские поэмы, Ферекид). С другой стороны, особенно на более поздних этапах мифотворчества, в эпоху создания развернутых мифологических систем, имя, осмысленное в его языковой связи с другими именами, становится орудием осмысления самой вещи в ее реальных связях. Толкование имени — *этимология* — первое проявление рефлексии над языком в истории греческой мысли. В гомеровском эпосе часто подчеркивается различными приемами это осмысление имен действующих персонажей, а у Гесиода и ранних греческих мыслителей *этимологизирование* получает уже характер сознательного метода интерпретации имен.

Во-вторых — и это специфично для всей мифологической картины мира — всякий процесс мыслится по аналогии трудовых процессов. Вещь, вошедшая в социально обусловленную сферу объектов мышления, представляется имеющейся в наличии потому, что некто в некоторое время эту вещь «сделал» или «нашел» (на ранних стадиях первобытного общества люди чаще «находят» вещи в готовом виде, чем «делают» их). Для всякой мифологии характерны сказания о «происхождении» той или иной вещи, о «героях-изобретателях». Имеющиеся в языке «имена» также нуждаются в изобретателе. И хотя греческая мифология не приписывает ни одному из своих персонажей подобных функций, самое представление об «установителе имен», «ономатотете», засвидетельствовано философами. Древнегреческое изречение гласит: «что мудрее всего? число, а на втором месте тот, кто положил вещам имена»; не раз ссылается на это представление и Платон. Если даже допустить, что фигура ономатотета не восходит к глубокой древности и создана умозрением ранних философов, то ход мысли, приведший к созданию этого образа, все же остается типично мифологическим. Представления об акте установления имени и о неразрывной связи имени с вещью отнюдь не являются взаимоисключающими друг друга: ономатотет либо «находит» в вещи ее имя, либо в акте наименования присваивает вещи нечто, становящееся ей отныне присущим; ибо, только получив имя, вещь приобретает полную реальность. Так и в Библии: бог Ягвэ подводит к Адаму каждое животное, и чем Адам его назовет, это и есть его имя.

Поскольку имена непосредственно принадлежит вещи, для архаического мышления нет надобности относить имена к какой-либо сфере, отличной от сферы бытия вещей. Язык как целое есть лишь совокупность имен, которая может быть противопоставлена совокупности имен чужого языка, но не заключает в себе ничего специфически-языкового, несвойственного самим вещам, и не рождает никаких проблем, кроме вопроса об отношении отдельных имен к отдельным предметам, «правильности» наименования. Различие в именах есть различие вещей, сходство и близость вещей обнаруживаются в сходстве и близости этимологически сопоставляемых имен, как они были установлены ономатотетом, одним или многими. Таков итог размышлений над языком ко времени разложения мифологического миросозерцания и то идеальное наследие, которое греческая философия получила в вопросах языка от предшествующих стадий истории мысли.

3

Интерес к отдельным сторонам языка возникал в Греции с разных сторон, вызываясь многообразными практическими потребностями. Однако наблюдения эти долгое время оставались разрозненными, входя в круг интересов представителей различных, не всегда между собою связанных профессий. Они не объединялись, поскольку отсутствовала та практическая потребность, которая в младенческий период знания острее всего стимулирует разработку науки, — потребность в обучении. Греция V в. еще не знала такого разрыва между языком обыденной речи и «литературным» языком, который оправдал бы специальное обучение «родному» языку. Еще в начале IV в. в диалоге Платона «Протагор» говорится об учителе родного языка как о совершенно неслыханном явлении, а безыменный софист, сопоставивший в конце V в. противоположные мнения «мудрецов» о разных вопросах (трактат «Двойные речи»), считает необходимым разъяснить, что мы научаемся «именам» от родителей и окружающих, в противоположность точке зрения, будто знание родного языка представляет собою нечто прирожденное.

Хотя язык, таким образом, не был предметом изучения в системе стариинного греческого образования, чтению и письму обучали издревле, и искусство «букв» (*γράμματα*), «грамматическое» искусство, занимало свое место, не очень почетное в силу элементарности и сравнительной общедоступности, среди прочих практически полезных искусств. Когда авторы классической эпохи, вплоть до Аристотеля, употребляют термин «грамматика», они имеют в виду искусство чтения и письма. Наши источники позволяют составить себе некоторое представление о характере «грамматического» преподавания. Оно велось тем самым «буквослагательным» методом, который удержался в элементарном обучении «грамоте» вплоть до самого XIX вв. Начинали с «букв», которые иначе назывались «элементами» (*στοιχεῖον*), в совокупности образующими буквенный «ряд» (*στοῖχος*); затем из букв составлялись слоги, а из слогов — целостные слова. Сохранились

отрывки «грамматической трагедии» Каллия (начало IV в.), где «хор» состоял из 24 букв недавно принятого в Афинах новоионийского алфавита, и эти «буквы», образуя между собою различные группы, исполняли хоровые партии с текстом типа: «бэта альфа — ба, бэта эта — бэ» и т. д. От учащегося требовалось умение правильно разобрать слоговой состав слова, а затем разложить слог на отдельные «буквы». При этом обращалось внимание на то, какие «буквы» к каким могут или не могут «примыкать»: очевидно имелись в виду наиболее прозрачные случаи комбинаторного звукового перехода в греческом языке, вроде уподобления взрывного следующему за ним взрывному в отношении глухоты, звонкости и придыхательности, или явлений *sandhi*, поскольку они фиксировались в письме. Ранняя и прочная выработанность понятия о слоге, о трех ступенях — «буква», слог, слово — сыграла значительную роль и в дальнейшем развитии античного учения о языке.

Эти первые фонетические наблюдения повлекли за собою и классификацию «букв». Четкого различия между буквой и звуком античность не выработала и в более поздние времена. Не в том смысле конечно, чтобы не сознавалось, что писаная буква есть лишь знак для изображения звука; но «элементами» слова всегда признавались те звуковые образования, которые соответствовали буквам принятого алфавита, хотя бы некоторые буквы изображали два звука (например ψ), или двумя буквами изображались звуки, качественно не отличающиеся между собой (например \circ и ω). Традиционное учение об элементах впоследствии подвергалось сурой критике, отзывы которой читатель найдет на стр. 112¹ в соображениях Секста Эмпирика, но критика эта не устранила рутины грамматического преподавания. Классификация «букв» была уже почти окончательно разработана к концу V в. Судя по результатам этой классификации, в основу ее был положен — сознательно или бессознательно — принцип разделения звуков по их роли в слоге. Получились три группы: 1) гласные — доминанты слога; 2) звуки, которыми в греческом языке может заканчиваться закрытый слог (или слово) — λ , μ , ν , ρ , ς ; 3) звуки, которые могут встречаться лишь в начале слога — все прочие согласные (т. е. взрывные). Это основание деления однако нигде не указывается, и созданные три группы получают лишь акустическую характеристику, первое время еще колеблющуюся. Так, в источнике, которым пользовался Платон (стр. 48, 50), проводилось различие между «гласными», «безгласными звучными» и «безгласными беззвукными»; впоследствии установилось деление на «гласные», «полугласные» и «безгласные», при чем две последние категории были подчинены более общему понятию «согласные». Взрывные, стало быть, по античной теории не имеют самостоятельного звучания и получают его лишь от последующего гласного звука. Эта точка зрения в известной мере объясняет, почему древние так цепко держались за свои «двойные» элементы ξ , ψ и ζ . В греческом языке

¹ Ссылки «стр. 112» и т. д. обозначают страницы настоящего сборника.

ξ и ψ — единственные комбинации согласных, которыми могут оканчиваться слова. Рассматривая ξ или ψ как единую «букву», относимую к разряду «полугласных», можно было сохранить основной принцип классификации, допускающий беззвучные лишь в начале слова.

Впрочем детальная классификация «букв» и изучение их фонетических особенностей входили в круг интересов не столько грамматики как искусства чтения и письма, сколько ритмики и метрики, которая в своих целях изучала фонетическую сторону языка в тесном контакте с теорией музыки. Звуки «различаются, — пишет Аристотель (стр. 62), — в зависимости от формы рта, от места (их образования), густым и тонким приыханием, долготой и краткостью и кроме того острым, тяжелым и средним ударением. Подробности по этим вопросам следует рассматривать в метрике». Вопрос о физиологических условиях образования звука изучался уже в V в. Когда в конце V в. афиняне официально перешли от своего старинного алфавита на новоионийский, автор законопроекта Архин составил объяснительную записку к этой реформе; Архину (стр. 35) уже известны три места образования взрывных звуков — «у сложенных губ», «широкой поверхностью языка у зубов», «изгибом и сжатием в глубине рта». Ряд указаний на положение речевых органов во время произнесения того или иного звука мы встречаем в «Кратиле» Платона. Софист Гиппий был известен как специалист по вопросам «значений букв и слогов, ритмов и гармоний» (Plat. Hipp. Mai. 285 D), а в списке трудов Демокрита мы находим заглавия: «О благозвучных и неблагозвучных буквах», «О ритмах и гармониях». У Аристотеля мы встречаемся уже с указанием, что в образовании звуков значительную роль играет «прикладывание» (προθολή) языка, т. е. затвор, и «складывание» (συμβολή) губ, т. е. лабиализация; за подробностями он опять-таки отсылает к метрикам (стр. 64). Источники Аристотеля разъясняли различия между тремя основными группами звуков так, что «гласные» образуются помощью «голоса» (т. е. музыкального звука), «полугласные» — помощью голоса с «прикладыванием», «безгласные» — одним лишь «прикладыванием» без участия голоса. Применяя к безгласным деление по признаку места их образования, получали три дальнейших ряда: губные, зубные и горланные; а в каждом из этих трех рядов фонематическая система греческого языка, отраженная в алфавите, была симметрично представлена тремя звуками: глухим (π, τ, ς), звонким (β, δ, γ) и придыхательным глухим (φ, θ, χ), по греческой терминологии — «простым» (т. е. лишенным приыхания), «средним» и «густым». Так как участие «голоса» в образовании безгласных отрицалось, различие между этими группами звуков усматривали лишь в степени приыхания, и звонкие занимали здесь «среднее» место. Впрочем античная грамматическая теория не умела использовать результаты наблюдений над физиологией звука и сравнительно мало интересовалась ими. Наиболее полное изложение их мы находим в латинском метрическом трактате Терентиана Мавра (ок. 200 г. н. э.), где использованы более ранние источники. Основы фонетического учения были заложены уже в V в. до н. э. Пифагор

рейцы, которые в связи с своими занятиями музыкой принимали деятельное участие в разработке ритмометрической теории, устанавливали соответствие звуков речи с музыкальными «симфониями» (Arist. Met. 1093^a), а количество «букв» основных трех групп служило предметом мистических исчислений. Со своей стороны «грамматическое» искусство осталось не без влияния на музыкальную и ритмометрическую теорию, в которых было установлено привычное для «грамматики» трехступенчатое членение: тон — интервал — октава, слог — стопа — метр.

Другие импульсы к языковым наблюдениям шли от потребностей комментирования литературных, главным образом поэтических, текстов. Мифологический эпос, морально-гномическая поэзия лириков являлись тем литературным материалом, на котором проводилось воспитание юношества в эпоху господства аристократии, и на этом же материале проходило обучение чтению и письму. Эти памятники зачастую были написаны на устаревшем уже языке или на чуждых диалектах и требовали не только толкования по существу, но и языкового, преимущественно лексикологического, комментария. С V в. начинается собирание гласс, т. е. старинных, малоупотребительных слов. Среди сочинений Демокрита мы находим трактат «О Гомере или орфоэпии и глассах». Как показывает заглавие, с глассами был связан и вопрос об «орфоэпии», т. е. «правильной речи», хотя понятие «правильного» на первых порах еще не отличалось четкостью и повидимому обнимало как формально-языковую сторону, так и самое содержание толкуемого текста.

На анализе литературных текстов яснее осознавались диалектические различия и росли предпосылки для перенесения в сферу языка тех концепций изменения и развития, которые строились греческими философами в области естественных наук.

Все эти зачаточные языковые наблюдения, к которым, разумеется, надлежит присоединить никогда не прерывавшуюся работу этимологов, были сведены в единое целое и привели к созданию первой продуманной языковой теории в период того идеологического кризиса, который обычно носит название эпохи софистики (конец V и начало IV в. до н. э.).

4

Ломка мировоззрения, последовавшая за социальным переворотом VII—VI вв., на первых порах проявлялась преимущественно в критике старой религиозной и мифологической системы, в попытках истолковать явления природы без воздействия сверхъестественных сил из внутреннего развития элементов самой природы, и привела к возникновению естествознания и натуралистики. Лишь с окончательным внедрением рабовладельческой системы во все отрасли народного хозяйства, когда политические рамки античного государства-города с его «совместной частной собственностью» (Маркс) стали стеснять дальнейшее развитие частной собственности крупных рабо-

владельцев, наступил период резкой критики старинных общественных установлений и старой морали, положивший начало общественным наукам. Идеологическая борьба против традиционного уклада жизни и составила содержание софистического движения.

Предшествующий период в истории греческой мысли — эпоха натуралистической философии — оставил лишь незначительные следы в трактовке языка, но глубокие изменения в мироусмотрении создали методологические предпосылки для нового подхода к языковым проблемам. Ионийская естественнонаучная мысль, видевшая во всей природе лишь процесс изменения некоего «первоначала», подошла и к языку как к природному процессу. Отзвуки этого мы находим в рассказе Геродота об «эксперименте», якобы проделанном во времена фараона Псамметиха с целью установить, какой язык является «естественным» и стало быть наиболее древним (стр. 32). Двое детей будто бы были выращены в условиях, исключавших какое-либо языковое общение с ними взрослых, и первое членораздельное слово, произнесенное ими, оказалось фригийским словом, обозначающим «хлеб». Отсюда был сделан вывод, что фригийский язык древнее прочих, которые — так, очевидно, надо дополнить эту мысль — являются уже видоизменениями фригийского «первоначала». Другой аспект языковой проблемы был выдвинут западногреческой философией элеатов (Парменид и др.). Согласно основному учению элеатов все многообразие чувственного мира не обладает реальным бытием, а относится лишь к области «смысля» (*δοξα*). Имя, которое в мифологическом мироусмотрении принадлежало самой вещи, теперь выпадает — вместе с самой вещью — из сферы бытия. Более того, если в архаическом мышлении имя было тем, что сообщало вещи полную субстанциональность, в философии элеатов оно превращается в источник иллюзорной субстанциональности чувственного мира, в корень всех заблуждений. В актах именования и создается та ошибочная система, которая образует «мнение». Предметы чувственного мира созданы именами (с этим взглядом элеатов полемизирует анонимный автор псевдогиппократовского сочинения «Об искусстве», стр. 34). Имена начинают рассматриваться как человеческое установление, допускающее изменения.

Всю философскую проблематику эпохи софистики пронизывает противопоставление «природы» и «закона». По поводу всех социальных отношений, даже шире, по поводу всех содержаний сознания ставится вопрос: существуют ли они по «природе» как неотъемлемые свойства объектов в смысле прежнего мифологического мироусмотрения, или по «закону», как человеческие мнения и результат соглашения между людьми? В сферу этой проблематики попадает и язык. Интерес к языку повышается в силу разных причин. В это время закладываются основы будущего общелитературного языка греков на базе аттического диалекта, обостряются и социально-диалектологические различия. Уже в одной из комедий Аристофана констатируется различие между «женственной» речью верхушки городского населения, «средним» диалектом обыкновенных горожан и «мужицкой»